

В. Васильев,

доктор юридических наук, профессор

Строго следовать Закону

«В Рязани происходит снос зданий в исторической части города. Снос производится без соответствующих согласований. Проект охранных зон памятников этой части города рассматривается вот уже пять лет, но так до сих пор и не утвержден облисполкомом. Мы писали об этом в областную газету, но толку нет. Несколько дней назад снесен дом № 11 по улице Краснорядской, все дома которой поставлены на учет Министерством культуры РСФСР. Просим помочь... Заместитель председателя Рязанского областного отделения ВООПИиК В. Чернышова».

Такое письмо пришло в президиум Центрального совета ВООПИиК РСФСР. Письмо типичное — аналогичного содержания сигналы поступают в президиум из многих городов и сел Российской Федерации. В каждом — тревога за судьбу ценных в архитектурном отношении зданий и почти в каждом — упрек в адрес местных советских органов, не заботящихся должным образом о сохранении этого культурного наследия.

Скажу сразу — упреки обоснованны. Уже из переписки руководящих органов Общества и исполкомов Советов явствует, что далеко не всегда местные власти выполняют в полной мере свою функцию охраны памятников истории и культуры. Этот вывод подтвердило и знакомство с положением дел в Рязани. На улице Краснорядской, проходящей по самому центру города, в тесном ряду одно- и двухэтажных старинных зданий зияет пустота вырванного зуба — здесь-то и стоял дом № 11, который начисто снесен строительной организацией под названием «Мостоотряд-22». Это событие, похоже, ни горисполком, ни облисполком не взволновало и, если бы не письмо В. И. Чернышовой, возможно, прошло незамеченным. А ведь был нарушен за-

кон, на страже которого призваны стоять эти органы.

Хочу обратить внимание читателя — дома на Краснорядской улице в качестве памятников культуры в официальных документах пока не фигурируют. Но все они, пользуясь терминологией закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры «выявлены», а потому подлежат государственной охране. Это новое положение закона входит в число других его норм, ужесточающих защиту культурного наследия. И тут выясняется — именно эти нормы слабо претворяются в жизнь. Многие пока идет по-старому.

Вновь выявленные объекты находятся на втором плане забот местных органов власти об охране памятников. Ведь почему стал возможен снос дома на Краснорядской улице? Подрядчика, взявшегося за капитальный ремонт здания, ни горжилуправление, ни сам исполком не сочли нужным предупредить о том, что оно обладает архитектурной ценностью. Это, конечно, не освобождает от ответственности руководителей строительной организации, начавшей «ремонт» дома столь своеобразным способом, но и никак не извиняет местные власти. Начальник горжилуправления Г. А. Луговой, в ведении которого находятся жилые здания старинной постройки, утверждает, что ему известны архитектурные достоинства только тех домов, которые уже состоят под государственной охраной. Но ведь еще в 1963 году он послал запрос в отдел городского архитектора и получил оттуда списки зданий, не только поставленных под охрану, но и взятых на учет — об этом рассказал заместитель главного архитектора Рязани В. Л. Сытых. Значит, дело не в отсутствии нужной информации, а в равнодушном отношении к культурным цен-

ностям. И не только со стороны начальника горжилуправления, но и «других официальных лиц». В самом деле, зачем было приговаривать к уничтожению Екатерининскую церковь — своеобразнейший памятник архитектуры XVII — XVIII веков? «Да, хотели сносить...» — смущенно признаётся начальник областного управления культуры Г. И. Фирсова. Уже были вызваны взрывники. И лишь благодаря энергичным протестам общественности катастрофу удалось предотвратить в самый последний момент.

А небольшое «ампирное» здание на Советской площади, построенное в начале прошлого века! Его тоже хотели ломать. Правда, решением горисполкома дом затем передали заводу, который должен открыть тут мастерскую по ремонту бытовых электроприборов. Таким образом здание сохранилось, но после капитального ремонта выглядит унылым каменным сараем. Рустовка первого этажа уничтожена, утрачены и замковые камни, декорировавшие окна. От «позднего ампира» ровным счетом ничего не осталось.

Сложившееся отношение к «выявленным» памятникам истории и культуры как к памятникам второразрядным, с которыми можно не церемониться, очень четко проявляется в нежелании переводить их в «первый разряд». С той поры, когда были утверждены списки памятников республиканского и местного значения, взятых под охрану государства, прошло немало времени. Сейчас идет подготовка к составлению новых. Так вот, хотя есть конкретные предложения областным организациям со стороны Министерства культуры РСФСР, они всячески упираются. Поначалу, еще в декабре 1982 года, министерство, надеясь на активность местных работников, направило в управление культуры Рязанского облисполкома письмо с просьбой представить свои соображения о том, какие памятники истории и культуры дополнительно поставить на охрану. В марте следующего года получен ответ: считаем целесообразным внести в списки три памятника (по Рязани). Правильно оценить этот ответ можно, если иметь в виду, что «выявлено» в областном центре более ста ценных зданий. В декабре того же года министерство посылает свои списки памятников, которые оно предлагает взять под охрану, с просьбой рассмотреть вопрос в месячный срок. В списках значатся и 27 ценных в архитектурном отношении зданий, расположенных в самом областном центре. В апреле 1984 года в министерство приходит ответный документ: областное управление культуры за то, чтобы включить в новые

списки еще три (так и быть) объекта (стало быть, всего шесть).

Удивительное дело! Казалось бы, местные государственные органы, которым теперь предоставлено право голоса при определении объектов, нуждающихся в государственной охране, воспользуются им, чтобы защитить все, в чем запечатлена славная история города, готовящегося, к стати сказать, отметить свое 900-летие. И не только защитить, но и использовать памятники культуры и искусства для воспитания у людей любви к своему обжитому месту, с которого «начинается Родина», для украшения их повседневного быта. К сожалению, этого не происходит. В чем же дело?

Государственная охрана, так сказать, «персонифицирована». Ее несет не государство вообще, а вполне конкретные органы — прежде всего местные органы власти. Так что увеличение охраняемых объектов прямым образом ведет к расширению их обязанностей. А кому охота брать на себя лишние заботы? Этим расхожим доводом и руководствуются некоторые работники областного и городского звеньев, причастных к важному государственному делу. В сущности, именно его выразил начальник областного управления архитектуры О. В. Обозов, заявив: «Мы должны брать к охране только те объекты, которые в состоянии сохранить. Надо откусывать кусок, который можно проглотить». Значит, шесть памятников архитектуры сохранить можно, остальные, выходит, нет! Что же с ними будет? Наверное, то же самое, что с домом № 11 по ул. Краснорядской или с тем, что на Советской площади (кстати, и тот и другой как раз из числа предлагаемых Министерством культуры РСФСР для охраны).

Партия требует наведения порядка во всех наших делах, рачительного, бережного отношения к народному достоянию. И это касается не только материальных ценностей, создаваемых повседневным трудом, но и ценностей духовных, культурных.

Разве можно допускать, чтобы они разрушались, уходили в небытие! Ведь мы станем тогда беднее, сократим возможности для развития народного образования, культуры, формирования у людей высоких чувств патриотизма, для идейно-нравственного, эстетического воспитания.

Согласны ли с этим работники рязанских советских органов? Безусловно. Да и как не согласиться — истины-то очевидные. Но вот когда дело доходит до конкретных решений, выдвигаются доводы, по сути, опрокидывающие исходные положения.

Н. Н. Чумакова — председатель ис-

полкома Рязанского городского Совета искренне болеет за интересы города. В немалой степени благодаря ее усилиям в Рязани многое сделано и делается в области жилищного строительства, в коммунальном хозяйстве, благоустройстве улиц и площадей... Поглощенная заботами текущего дня, Надежда Николаевна хорошо ощущает связь времен и потому не забывает и о защите памятников истории и культуры. «Надо сохранить все, что придает нашему городу своеобразие, выделяет его из ряда других областных центров, что делает Рязань Рязанью» — это ее слова. Но тут же: «Мы не можем становиться на колени перед ветостью». А что такое ветость? Старые здания, подверженные воздействию времени, в том числе ценные в архитектурном отношении, а так же составляющие историческую среду для памятников. Значит, их тоже не стоит брать в расчет? Нет, Надежда Николаевна в принципе за то, чтобы все ценное сохранить. А кто определяет, какое строение ценно, а какое нет? Специалисты, знатоки своего дела. С их участием еще пять лет назад в полном соответствии с законом был составлен проект зон охраны для памятников, в котором обозначены все здания в историческом центре Рязани, подлежащие охране и учету. Если бы утвердить и провести дело уже в более организованном порядке, на строгой правовой основе! Однако перечень отмеченных строений оказался чересчур широким. «Кусок трудно было проглотить». И начались бои, в ходе которых четко обозначились позиции сторон. На одном из многочисленных совещаний в марте 1980 года, где присутствовали представители ряда областных и городских служб, выступил уже известный нам О. В. Обозов, мнение которого здесь достаточно весомо. Цитирую сохранившуюся запись: «Для нас главный документ — не проект охранных зон, а генеральный план города. Он решает больше вопросов. Что важнее — какое-то здание XVIII века или то, чтобы наш город жил, развивался? Не представляю, как можно этот проект выносить на утверждение облисполкома». Сказано с редкой открытостью. И кем? Архитектором, по должности призванным стоять на страже красоты, помогать увидеть ее тем, кто, возможно, не всегда понимает, что при решении градостроительных задач красоту надо брать в расчет так же, как коммунальные удобства и другие инженерные и технические соображения, и уж во всяком случае не противопоставлять одно другому.

Стоит ли удивляться, что мнение, высказанное специалистом, ответственным работником областного звена, нашло от-

ражение в действиях городских инстанций. Горисполком, которому проект зон охраны был представлен для согласования, выступил против. В решении от 30 ноября 1982 года, под которым стоит и подпись Н. Н. Чумаковой, он высказался за пересмотр перечня зданий и сооружений, намеченных проектом к учету и охране. И до сих пор документ дорабатывается, утрясается, согласовывается, а в это время уходит в небытие одно строение, разрушается другое, перестраивается до неузнаваемости третье. Невольно приходишь к выводу, который сделал в областной газете депутат городского Совета писатель В. Сафонов: некоротким товарищам вместо охраны памятника «легче объявить его не имеющим никакой ценности, разрушить, стереть с лица земли всякое напоминание о его существовании, а на освободившемся месте возвести безликий бетонный куб». Статья напечатана в 1981 году. Существенных перемен с тех пор не произошло.

Теперь решено, что проект зон охраны для памятников будет утверждаться одновременно с новым уточненным генеральным планом города и проектом детальной планировки, хотя по смыслу инструкции Госгражданстроя СССР (№ 379 от 29 декабря 1982 г.) зоны охраны памятников должны определяться еще до принятия генеральных планов и проектов планировки. Исходят из необходимости учета «особо ответственного и сложного в профессиональном отношении характера работы» по составлению этих документов. Зачем же пять лет назад заказывали институту Спецпроект-реставрация разработку проекта охранных зон? Зачем истратили на него почти 50 тысяч рублей? Ладно, бывают и неудачи, возможно, опытный коллектив проектантов не во всем прав, ошиблись и Министерство культуры, и президиум Центрального совета ВООПИиК, с которыми проект согласован. Может быть, истина действительно в руках у местных работников. Почему же тогда сразу ее не доказали, не выяснили спорные вопросы, почему не довели до завершения всю огромную, поистине исследовательскую работу, проведенную большим творческим коллективом? Время-то уходит безвозвратно. И оно уносит с собой то, что дорого сердцу каждого истинного патриота Рязани.

За десятилетия облик исторического центра города сильно изменился. Было время, когда мало задумывались об архитектурной ценности его строений. Н. Н. Чумакова с сожалением вспоминает, как в те годы сносились старинные церкви, представлявшие прекрасные произведения русского зодчества. В раз-

ные периоды на месте многих снесенных строений выросли универмаг с безвкусицей пышными «коринфскими» колоннами, маловыразительные многоэтажные жилые дома, которые отнюдь не украсили город. Теперь другое время. Но и теперь рецидивы старого (разумеется, в иных формах) дают о себе знать. Недавно взметнулось ввысь здание Высшей школы МВД СССР, придавившее своей огромной массой соседствующие с ней уютные домики старой застройки, прожившие не один век торговые ряды, ансамбли той же Краснорядской улицы и улицы Кольцова. Многоэтажный куб новой телефонной станции спорит теперь с вертикалями кремля. Нынче если не все, то вроде бы большинство местных работников воочию убеждаются в несуразности «привязки» современных бетонных и кирпичных «коробок» к застройке исторического центра, приведшей к частичной утрате Рязанью «лица необщего выраженья». Только надо из этого без промедления делать практические выводы. Многое можно исправить, если бережно отнестись к тому, что еще сохранилось и формирует облик старинного русского города.

Вести строительство в исторической части Рязани, как и любого старинного города, — дело непростое. Неясность архитектурных концепций, хрупкость многочисленных теорий, по-разному доказывающих, как нужно сочетать старину и современность, какими путями идти к их органическому синтезу, — все это делу не способствует. Но здесь есть один бесспорный критерий — закон. Чтобы в поисках оптимальных решений сложных архитектурных проблем не потерять того, что накоплено веками, нужно строго следовать его требованиям. Вести, как он того требует, постоянную исследовательскую работу, выявлять все ценное, что донесено до нас временем, строго учитывать, не давая ему разрушаться, ставить под охрану и умело ее обеспечивать.

«Откусывать только то, что можно проглотить» — тезис в данном случае неприемлемый. Тем более что понимается он весьма своеобразно, усеченно. Когда речь заходит о государственной охране объектов, уже давно выявленных и включенных в официально утвержденные Советом Министров РСФСР, а также облисполкомом списки памятников истории и культуры республиканского и местного значения, рязанские товарищи начинают подчеркивать значение реставрационных работ. Для них «взять памятник под охрану» — значит его восстановить и найти практическое применение. «Памятник живет, если используется» — вот мысль, отчетливо прозвучавшая при беседах и у заместителя председателя

облисполкома Р. С. Лялиной, и у председателя горисполкома Н. Н. Чумаковой, и у секретаря горисполкома Л. К. Живописцева, и у начальника областного управления культуры Г. И. Фирсовой. Мысль сама по себе верная, подчеркивающая, что памятники истории и культуры существуют и должны существовать не ради них самих, а ради людей.

Во имя справедливости отметим, что в Рязани немало для этого сделано и делается. За последние годы отреставрированы замечательные памятники архитектуры XVII века на территории кремля — Архангельский собор, «Гостиница черни», Певческий корпус, в которых расположились или скоро будут расположены музейные учреждения; восстановлен и успешно используется под экспозиции областного художественного музея так называемый «дом Рюминых» — великолепное здание в стиле русской классики конца XVIII века; обрело новую жизнь здание бывшего Дворянского собрания, где теперь разместились дворец бракосочетаний; отлично смотрятся деревянный «летний клуб Дворянского собрания», в нем теперь действует методический центр культпросветработы; полным ходом идет реставрация Гостиных рядов, в которых собираются открыть зал камерной музыки, клуб театрального общества. Местные советские органы внимательно следят за ходом реставрационных дел; в горисполкоме проводятся совещания, на которых «расшиваются узкие места», решаются различные, подчас далеко не простые организационные вопросы; постоянная комиссия по культуре городского Совета тоже контролирует выполнение реставраторами производственных планов. Городской ремстройтрест принимает прямое участие в восстановительных работах. Город выделил также часть бюджетных средств на ремонт некоторых старинных зданий, где размещаются или будут размещаться учреждения соцкультбыта. И все-таки средств не хватает. Потому и не хотят местные власти дополнительно брать под государственную охрану памятники архитектуры.

Но разве эта охрана сводится только к реставрации памятников? По смыслу закона она предполагает комплекс работ. Простое дело — повесить на ценные здания охранные доски, чтобы все знали: за нанесение вреда памятнику виновные будут наказываться. Не тут-то было — большинство памятников в Рязани и в Рязанской области охранных досок не имеет. «Стыдно их вешать на развалюхи, — говорит Г. И. Фирсова. — Сначала надо восстановить, а потом уж и объявлять, что они охраняются». Долго же

придется ждать многим памятникам истории и культуры, пока они заблещут первозданной красотой, да и дождутся ли этого праздника иные из них? Доски все-таки прикреплять придется. И никаких оправданий по этому поводу принять нельзя. В Положении об охране и использовании памятников истории и культуры говорится: на каждом недвижимом памятнике устанавливается доска, содержащая краткую характеристику памятника и указание о том, что он охраняется государством. Спору нет: установить такое охранное свидетельство на разрушающемся здании — значит вместе с тем расписаться в собственной нерадивости. Что ж поделать! Публичная самокритика — сильный способ воздействия. Думаю, что и для органов охраны, и для всех может иметь дисциплинирующее воздействие дополнительное объявление на каждом ценном здании, что оно подлежит реставрации с указанием ее срока. Так кое-где уже делают, и сделать это, в сущности, нетрудно — в управлении культуры есть перспективный план реставрационных и ремонтных работ.

Вообще не нужно спорить с Законом — дело это бесполезное и, более того, вредное. Закон нужно выполнять во всей его полноте. В частности, не следует забывать и о возможности консервации памятников, то есть их предохранении от дальнейших разрушений. Может быть, часть средств и сил, идущих сейчас на реставрацию, стоит направить именно на консервацию? Ну, если не на комплексные, технически выверенные, то хотя бы на элементарные сохранные меры. А то из-за их отсутствия многие строения, по существу, оказываются беззащитными. Вот список памятников, утвержденный облисполкомом, с комментариями управления культуры: промышленно-усадебный комплекс конца XVIII — XIX веков в селе Кунино Шилковского района — аварийное состояние; бывшая усадьба Худякова, памятник архитектуры XVIII века в селе Ерлино Кораблинского района, — разрушена; церковь Рождества, памятник архитектуры XVIII века в селе Лом Касимовского района, — аварийное состояние, и т. д.

Характерна история с памятником республиканского значения, так называемым домом Свободы. В дни Февральской революции в нем размещались местные Советы рабочих и солдатских депутатов, после Октября — губернский исполком, в годы гражданской войны — штаб Южного фронта Красной Армии. Еще в 1967 году горисполком принял решение о ремонте этого здания. Несколькими годами назад из него были, наконец, переселены почти все жившие тут семьи.

Здание опустело и... перестало интересовать органы власти. Бесследно исчезли паркетные полы, ценные резные двери, кафель с печей и т. д. Какой-то злоумышленник устроил пожар, который, к счастью, удалось быстро потушить. Только после настойчивых сигналов общественности советские органы приняли решение заколотить окна и двери, закрыть чердак, организовать охрану. А разве нельзя было это все сделать раньше, не дожидаясь, пока дом станет разрушаться?

Не все благополучно с защитой памятников истории и культуры в Рязанской области. Возникает вопрос — кто за это несет ответственность, и несет ли он ее? И тут мы должны констатировать, что разрушение ценных сооружений, их потеря, судя по тому, как к этому здесь относятся, всерьез не воспринимается. Никто из местных работников, с кем довелось беседовать, не мог припомнить, чтобы за нерадивое отношение к охране исторического и культурного наследия были наказаны сотрудники органов управления в области охраны памятников или специально уполномоченные органы государственной охраны, к числу которых относятся по закону исполкомы Советов и местные органы культуры. Ни одного выговора, ни одного предупреждения за многие годы! За недостатки в жилищном строительстве выговор можно получить запросто. А за памятники — нет. Как будто они никак нам не служат.

Не чувствуя строгого спроса за организацию охраны, иные исполкомы и органы культуры столь же примиренчески относятся к нарушителям закона из числа пользователей памятников. Дело просто пущено на самотек. Правовые и организационные рычаги применяются слабо. Упрек в этом можно прежде всего адресовать работникам областного управления культуры и его производственной группы. Согласно закону именно они обязаны обеспечить четкий правовой порядок использования зданий, представляющих историческую или архитектурную ценность. Если памятник находится на балансе самого управления культуры, с пользователем надо заключить охранно-арендный договор. Коль скоро памятником владеет сам пользователь, у него надо взять охранное обязательство. Увы, все это только «надо», «нужно»... Сейчас использование лишь половины памятников оформлено охранными документами. Снова мы сталкиваемся с нарушением требований закона. И дело тут не в пустой формальности. Документы, о которых идет речь, предусматривают конкретные меры ответственности в случае невыполнения очерченных этими документами условий. В частности, их от-

сутствие лишает областное управление культуры возможности взыскать неустойку за нанесение памятнику вреда.

Правда, управление отнюдь не торопится применить имущественные санкции и к тем пользователям, отношения с которыми оформлены охранно-арендным договором или охранными обязательствами. Госарбитраж при Рязанском горисполкоме за последние шесть лет рассмотрел всего два дела, связанных с охраной памятников, хотя нарушений правил пользования ценными строениями не счесть.

Заметим, что это характерно не только для Рязанской области. В Государственном арбитраже при Совете Министров РСФСР рассказали, что дела, связанные с охраной памятников, крайне редки и в практике других краев и областей. Они в числе одного процента так называемых «прочих дел», рассматриваемых согласно официальной статистике на местах. Между тем многие владельцы не вкладывают в ремонт и реставрацию памятников ни копейки, эксплуатируют их на износ, доводя подчас до безнадежного состояния.

Руководитель производственной группы охраны памятников В. И. Долженков, который оформляет охранные документы, жалуется на отсутствие сил, времени и юридических знаний, нужных для компетентного ведения дел о нарушителях правил. Полноте, Владимир Иванович, вам, если в том есть нужда, обязаны прийти на помощь работники местного арбитража (они имеют прямое указание на сей счет со стороны своих вышестоящих органов), сотрудники архитектурно-строительной инспекции (тоже в силу своих обязанностей по закону) и, наконец, общественники. Напомню, в прошлом году активисты Захаровского, Касимовского, Кораблинского и других районных отделений ВООПИиК проверили наличие охранно-арендных договоров и охранных обязательств у многих организаций, использующих памятники архитектуры, составили акты, характеризующие их состояние, и направили все материалы вам. И что же? До сих пор нет никакой реакции. Значит, дело не в отсутствии сил, а в отношении к порученным обязанностям, в вашей и ваших коллег позиции. Нужно не плыть по течению, не ссылаться на трудности, а преодолевать инерцию, действовать энергично, используя те возможности, которых у вас достаточно.

Кроме имущественной, материальной, предусмотрена административная и уголовная ответственность за нарушение законодательства об охране и использовании памятников. В УК РСФСР есть статья 230, согласно которой умышлен-

ное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры наказываются лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до 300 рублей. А как она применяется? Да никак. За последние три года суды РСФСР не рассмотрели ни одного дела по статье 230. В 1974 году таких дел было 3, в 1975-м — 2, в 1979-м — 1, в 1982 году — 1. Как говорят юристы, статья стала «мертвой».

Почему это происходит? Конечно, в ряде регионов охрана памятников улучшилась. Но можно предположить и другое: прокуратура не всегда возбуждает уголовное преследование, а если и возбуждает, то не доводит до суда, ограничивается представлениями о дисциплинарном наказании и т. п. Рязанский опыт это подтверждает. Когда общественники обратились в областную прокуратуру по поводу сноса дома № 11 по Красноярской улице, потребовалось немало напоминаний и просьб, прежде чем правоохранительное учреждение занялось проверкой обстоятельств дела. Наконец, начальник отдела общего надзора сообщил: «В начале 1983 года главный архитектор города включил дом № 11 в список памятников архитектуры, направив его в горжилуправление для утверждения. Должностные лица горжилуправления в надлежащем порядке не решили вопрос об отнесении дома № 11 к категории памятников истории и культуры, разрешив «Мостоотряду-22» производить ремонтные работы в указанном доме. Ремонтные работы производились без разрешения государственных органов охраны памятников, во время ремонта здание было разрушено». И далее говорилось, что прокуратура внесла представление в соответствующие органы о наложении на виновных дисциплинарных взысканий.

Во-первых, работникам прокуратуры положено знать, что по закону ни городской архитектор, ни горжилуправление не уполномочены относить здания и сооружения к числу памятников. Это прерогатива Совета Министров РСФСР (коль скоро речь идет о памятниках республиканского значения) или облисполкома (если они местного значения).

А во-вторых, остается непонятным, на каком основании прокуратура ограничилась представлением о дисциплинарном взыскании, когда налицо состав преступления, предусмотренный статьей 230 Уголовного Кодекса.

Пора приводить в действие правовые средства борьбы с безобразным отношением к народным ценностям. Суть не в том, чтобы определить наказание потяжелее, а в том, чтобы преодолеть состо-

ание безнаказанности вообще, которое приводит к явному смещению ценностных ориентаций в сознании иных хозяйственных руководителей. Если за причинение памятнику ущерба не следует санкций, получается, что это не такой уж серьезный проступок, значит, не так уж дорог этот памятник, можно с ним не церемониться.

Каждому известно: успех борьбы с нарушениями закона — в неотвратимости наказания. Добиться этого можно, если государственные органы охраны памятников истории и культуры будут деятельны и энергичны. Хорошо, что Общество охраны памятников, включающее в себя миллионы добровольных членов, выступает активной силой в борьбе за соблюдение закона. Отрадно, что передовые рабочие, колхозники, деятели науки, литературы и искусства не остаются в стороне от большого и важного дела. Но их усилий мало. Исполкома Советов, местные органы культуры — вот от кого надо ждать решительных действий в тех случаях, когда закон нарушен. Увы, так они поступают далеко не всегда.

В городе Касимове, входящем в число 115 исторических городов РСФСР, постепенно разрушаются ценнейшие памятники зодчества конца XVII — начала XVIII века. Ответственный секретарь районного отделения ВООПИиК В. И. Ивакина рассказала, что общественники уже давно бьют тревогу. О плачевном состоянии местных архитектурных достопримечательностей писали районная и областная газеты. В Касимовском горисполкоме мне показали решения разных лет с требованиями к пользователям памятников (то есть хозяйственным организациям, занявшим здания под склады и магазины) принять меры к их восстановлению, с предупреждениями выселить, привлечь и т. д. Однако все эти громы и молнии не производят никакого впечатления.

Почему же так деликатничает Касимовский горисполком с нарушителями Закона? Ведь он вправе обратиться в прокуратуру с требованием возбудить уголовное дело. Работники исполкома, увы, даже не знают, что за нарушение Закона об охране памятников предусмотрены уголовно-правовые санкции. Исполкому известно об административной ответственности нарушителей Закона. Но привлекать к ней он тоже не решается. А к имущественной, материальной? «Это не в нашей компетенции» — говорит заместитель председателя исполкома Н. Фрольцов. Ладно, согласимся, это компетенция областных инстанций. Так почему же они не взыскали неустойку (2 тыс. руб) с Касимовской базы кожсырья, разместившейся в бывшей Георгиевской

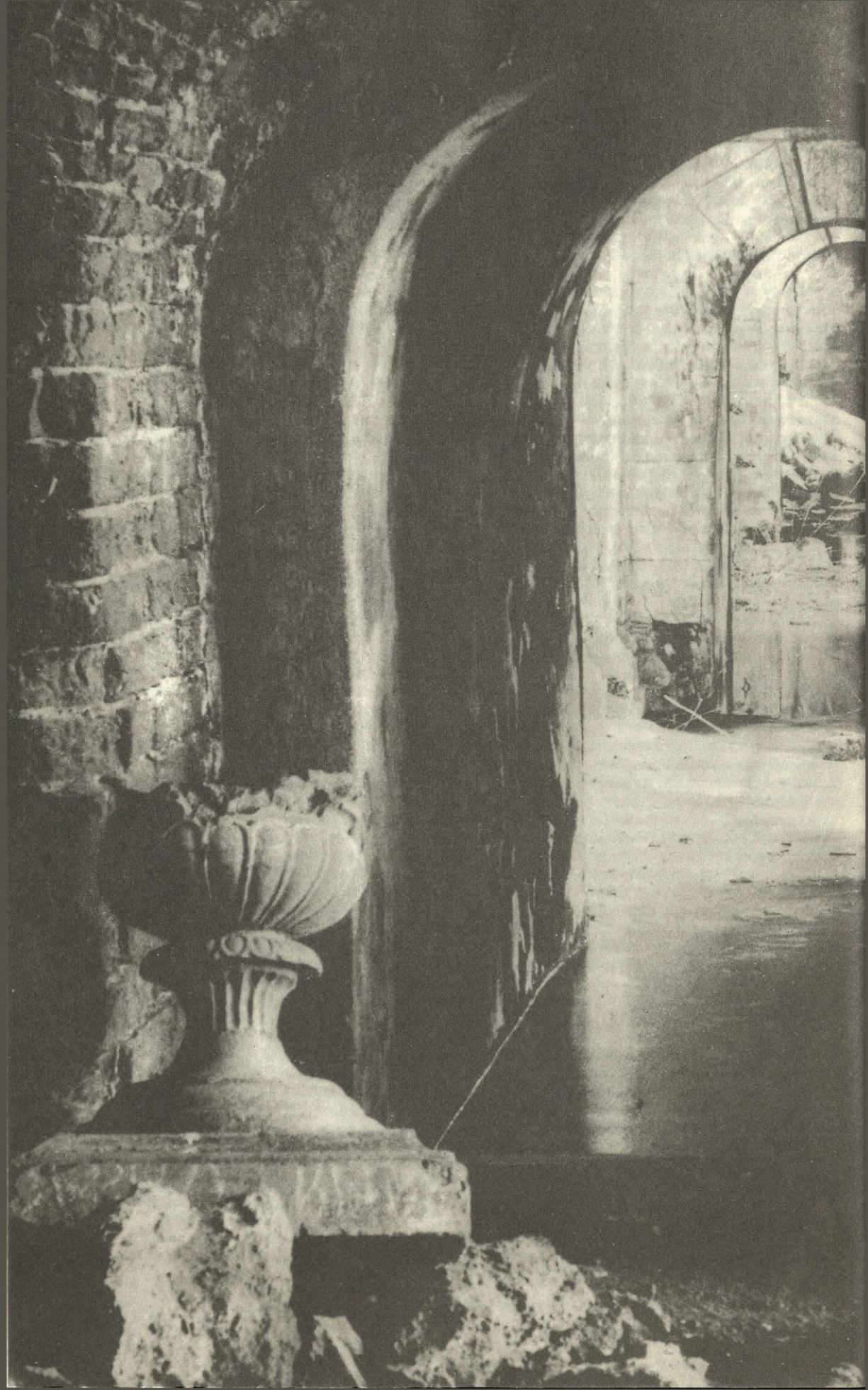
церкви — великолепном памятнике XVIII века — и доведшей ее до аварийного состояния? Почему не возмещен ущерб, причененный зданию? Почему, наконец, не наказан персонально директор предприятия? Возможность применения этих мер обусловлена гражданским и трудовым законодательством и прямо вытекает из содержания охранно-арендного договора, заключенного базой с областным управлением культуры.

То же самое с памятником истории и культуры, «хозяйном» которого является база райпотребсоюза. Пять лет назад «для удобства разгрузки автомашин» был разобран его портик, да так до сих пор и не восстановлен. Неужели для управления культуры ничего не нужно, кроме арендной платы, за счет которой содержится производственное управление охраны памятников? Да, как видно, коммерческие соображения преобладают.

Думается, здесь необходимы меры и со стороны исполкома областного Совета. Еще в январе 1983 года он принял решение, направленное на дальнейшее улучшение охраны и использования памятников истории и культуры. В нем отмечались существенные недостатки, указывались пути их устранения. Общий смысл этого решения — усилить внимание к важному государственному делу, энергичнее вести борьбу с нарушителями законодательства. Однако, судя по всему, организаторская работа по его выполнению ведется слабо, многие недостатки продолжают, как говорится, «иметь место». Вот так и складывается тот «механизм бездействия», который предопределяет печальную судьбу многих памятников истории и культуры на рязанской земле.

Беседуя с работниками местных органов Рязанщины, делаясь впечатлениями об увиденном, я часто слышал суждения о том, что многое зависит не от местных, а от центральных органов. И тут приходится кое в чем с моими собеседниками согласиться. Действительно, применение ряда положений нового законодательства об охране памятников истории и культуры затруднено, так сказать, недоработками вышестоящих инстанций.

Слов нет, заботами государства, его центральных и республиканских органов очень многое сделано для охраны и рационального использования ценнейших памятников отечественной истории и культуры. Достаточно напомнить возрожденные к жизни дворцы и парки Петергофа, Павловска, Гатчины, реставрированные архитектурные памятники Золотого кольца России, древние сооружения Бухары и Самарканда... Заметно усиление внимания с их стороны и к другим памятникам истории и культуры,

Они ждут...

которых много в каждой республике и области. После издания Закона об охране и использовании памятников увеличались ассигнования на их реставрацию и ремонт, расширилась сеть реставрационных мастерских, улучшилось материальное снабжение. С 1985 года объемы ремонтно-реставрационных работ впервые вошли отдельной строкой в Государственный план экономического и социального развития СССР. Совет Министров, Министерство культуры РСФСР принимают решения, направленные на выполнение закона об охране памятников, контролируют его претворение в жизнь. Соответствующие отделы и управления министерства оказывают местным органам методическую помощь, проводят различные совещания и семинары. Однако цели достигаются далеко не всегда. И в ущерб оказываются именно те многочисленные памятники, которые, конечно, скромнее всемирно известных шедевров, но составляют самую массовую основу исторического и культурного наследия народа.

Одна из причин — отсутствие ясности в нормативном регулировании ряда вопросов охраны памятников. Нечеткость, расплывчатость, слишком общий характер некоторых установлений иногда затрудняют их осуществление на местах. Возьмем, например, статью 27 общесоюзного Положения об охране и использовании памятников. Она требует при установлении исторической, научной или художественной ценности памятников до решения вопроса о принятии на учет и охрану зарегистрировать их в списках вновь выявленных объектов. Но кто конкретно утверждает эти списки, каково их юридическое значение? Ответов нет. Сказано лишь, что утверждение происходит в порядке, устанавливаемом Министерством культуры СССР. Такой порядок до сих пор не установлен. Поэтому и списки отсутствуют. То, что попытался сделать отдел городского архитектора в Рязани, успеха, как мы видели, не имело.

Еще сложнее с охранными документами. Работники государственного арбитража при Совете Министров РСФСР после изучения различных нормативных актов помогли выяснить, что имущественные санкции в виде неустойки и возмещения ущерба, причиненного памятнику, могут быть применены к пользователям памятников, с которыми охранно-арендные договоры и охранные обязательства заключены до издания нового Положения об охране и использовании памятников истории и культуры. К тем же, с которыми договоры заключены позднее, могут предъявляться только иски о возмещении ущерба. Штраф взыскивать нельзя, поскольку в условиях

договоров он пока не может предусматриваться: порядок выплаты штрафа согласно новому положению «устанавливается законодательством», какового пока не существует. Не утверждены и новые формы охранных документов. Действуют старые, причем при их использовании возникают споры, ибо неясно, можно ли их применять вообще, коль скоро отменены решения, в соответствии с которыми они были разработаны.

И еще одно: согласно Закону СССР об охране и использовании памятников истории и культуры, эти памятники, когда они используются не в соответствии с их характером и назначением, подвергаются угрозе уничтожения или порче, могут быть изъяты у предприятия, учреждения и организации в порядке, определяемом законодательством Союза ССР. В Законе РСФСР, принятом в соответствии с общесоюзным законом, установлена та же норма. А вот в Положении говорится уже нечто другое: порядок изъятия памятников республиканского и местного значения определяется законодательством союзных республик. Так кто же все-таки определяет этот порядок и когда он будет определен?

Не слишком ли затянулось нормативное урегулирование вопросов охраны памятников истории и культуры? Напомню об опыте: важнейший правовой акт по этим вопросам, действовавший до появления нового общесоюзного закона — постановления Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», — был принят в октябре 1948 года. Одновременно было утверждено Положение об охране памятников культуры. Спустя всего пять месяцев появились ведомственные инструкции, исчерпывающим (для того времени) образом конкретизировавшие все основные вопросы охраны памятников. А теперь? Закон Союза ССР издан в 1976 году. Положение, разъясняющее его предписания, — спустя шесть лет, инструкция Министерства культуры СССР, которая должна поставить все точки над «i», еще позже.

Итак, механизм охраны памятников требует совершенствования. Очень многое зависит здесь от местных советских органов, которые по закону несут основную долю забот. Немалую лепту призваны внести и работники центральных органов. Действуя «сверху» и «снизу», можно быстрее преодолеть недостатки, продвинуть вперед благородное дело, нужное не только всем нам, но и тем, кто придет к нам на смену.